

Картография русского европеизма

Обстоятельства минувшего года, которые нет нужды пересказывать любому интересующемуся мировой политикой человеку, сделали очень актуальным все геополитическое наследие Вадима Цымбурского, мыслителя, скончавшегося в марте 2009 года. Одной из основных идей Цымбурского было представление, согласно которому ключевое значение для истории России – как предшествующих трех веков, так и в ближайшее время – будут иметь территории, которые отделяют Россию от коренной Европы, территории, от контроля над которыми Россия, согласно представлениям ученого, добровольно отказалась в 1989–1991 годах. Что важно: по мнению Цымбурского, эти территории не являлись органической частью ни России, ни собственно Европы – двух цивилизационных «материков», – но представляли собой некое отдельное целое, которое ученый в разных работах описывал и концептуализировал по-разному.

В самом первом своем сочинении «островного» цикла – статье 1993 года «Остров Россия» – Цымбурский определяет эти земли «между Россией и Европой» как «территории-проливы» – «пояса народов и территорий, примыкающих к коренной Европе, но не входящих в нее» [8, с. 8]. Использование для обозначения этих земель «водной» метафоры – «проливы» – позволило назвать Россию «островом» и, в столь же метафорическом смысле, цивилизационной платформой, отделенной от других цивилизаций цепью промежуточных территорий. Впоследствии, в работе 1995 года «Земля за Великим Лимитрофом», Цымбурский объединит «территории-проливы» к западу от России с Кавказом, тюркоязычной Средней Азией и уйгуро-маньчжурскими регионами Китая и опишет этот пояс земель термином, заимствованным у историка Станислава Хатунцева, – «Великий Лимитроф». Но для нас даже более существенно, что спустя еще два года, в статье 1997 года «Европа – Россия» – «третья осень» системы цивилизаций», Цымбурский довольно неожиданно назовет те же земли «территориями-прикрытиями» нашей цивилизационной платформы и призовет «к формированию у России собственного внешнего пояса территорий-прикрытий» [5, с. 131]. Описывая разветвленную и многоэшелонированную структуру Евро-Атлантики 1990-х годов с НАТО, «Партнерством во имя мира» и еще только проглядывавшим в те годы «Восточным партнерством», ученый делал вывод, что «будущее – за все более дифференцированной системой относительно независимых друг от друга лимитрофных эшелонов, прикрывающих цивилизационное ядро на подступах все более отдаленных» [5, с. 127].

В этой констатации содержалось предложение России разработать собственную систему ассоциированного членства в том объединении, которое по-

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea», заместитель главного редактора газеты «Известия». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

том получило название «русский мир». Но имплицитно здесь же наличествовало представление, уже явным образом декларированное в «Острове» 1993 года и потом несколько раз повторенное в последующих работах, что наибольшая угроза безопасности России проистекает от непосредственного соприкосновения нашей страны и не включающих ее систем коллективной безопасности, основанных на сознании общецивилизационного единства. В этом смысле наличие буфера в виде отпавших от России, но пока еще не охваченных Евро-Атлантикой территорий являлось в некотором смысле «прикрытием» нашей страны от прямого столкновения с консолидированной мощью целой цивилизации.

В комплексе лимитрофных земель, определяемых то как «территории-проливы», то как «территории-прикрытия», Украине Цымбурский уделял довольно важное место. В статье 1998 года «Как живут и умирают международные конфликтные системы», в которой делалась попытка вычленивать Балто-Черноморье уже не просто как полосу территорий, но как особую конфликтную систему с распределенными ролями, «украинские земли» представляли как своего рода «сердцевина» балтийско-черноморской системы, находящаяся на пересечении ее меридиональных и широтных осей [6, с. 258]. Конфликтная актуализация этих земель, масштабная переоценка их геополитического статуса в 2014 году просто не могла не вернуть внимание к теории Цымбурского, к концепции «Острова России», в которой основной акцент делался на этих промежуточных, или буферных, территориях между Россией и Евро-Атлантикой и в которой особенно подчеркивалась ценность их нейтрального статуса. Того статуса, который как раз и подвергся вызову в 2013–2014 годах.

В феврале 2014 года, примерно за три дня до государственного переворота в Киеве, автору этих строк довелось выступать в Симферополе в рамках медиа-программы «Формат А3» с лекцией под названием «Рубежи цивилизационных войн». Рассматривая происходящее в этот момент на Украине в контексте предсказанных еще в 1993 году Сэмюэлем Хантингтоном «войн цивилизаций», я ссылаясь на то важное уточнение, которое сделал Вадим Цымбурский к концепции американского политолога – «ойкумена не делится на цивилизации без остатка» [10, с. 200]: на разломах цивилизационных платформ живут народы междумирья, чьи геокультурные симпатии и ориентации могут варьироваться и меняться; народы, которые могут найти, а могут и не найти свое место в какой-либо цивилизационной семье. Одним из таких народов является народ Украины, безнадежно расколотый в своих симпатиях. И российским, и западным политикам стоило бы ранее более внимательно отнестись к теории Цымбурского и понять, что Украину, подобно, кстати, Молдавии, невозможно целиком вовлечь ни в Таможенный, ни в Европейский союз. И поскольку вопрос о цивилизационном самоопределении остатка западной оконечности Великого Лимитрофа в виде Украины и Молдавии назрел и обойти этот вопрос стороной невозможно, разумных выходов могло быть только два – раздел Украины и Молдавии с выделением в отдельные самостоятельные образования Крыма, Новороссии и Приднестровья – или новая федеративная сборка этих государств по модели, которую публицист Игорь Караулов обозначил формулой: «Одна страна, две цивилизации» [1].

Радикальный вариант решения проблемы в виде присоединения какой-либо из отпавших частей Украины к России я, честно говоря, не рассматривал, ориентируясь в данном случае на сценарий, предвиденный Цымбурским еще в 1994 году, когда он писал: «Что же касается украинских дел, то глубочайший кризис этого государственного образования мог бы пойти на благо России, если она, твердо декларировав отказ от формального пересмотра своих нынешних границ, поддержит в условиях деградации украинской центральной власти воз-

никновение с внешней стороны своих границ – в Левобережье, Крыму и Новороссии – дополнительно буферного слоя региональных “суверенитетов” в украинских рамках или вне их» [7, с. 36]. Нужно признать, что Цымбурский в 1994 году видел в Крыму просто часть лимитрофа, тогда как было бы логичнее видеть в нем, скорее, лимес – согласно принятой им терминологии – «неустойчивую окраину цивилизационной платформы». Проведший детство и юность в Могилеве и считавший себя этнически белорусом (несмотря на польскую фамилию матери, которую он носил, и польское происхождение отца, которого он совсем не знал), Цымбурский рассматривал в качестве «лимеса» родную ему Белоруссию, но не значительно более русский в плане этнической идентичности Крым. Возможно, отношение к Крыму как к части лимитрофа объяснялось в том числе византийскими историческими ассоциациями: в уже упомянутой работе 1998 года о Балто-Черноморье Цымбурский сделал многозначительное послесловие о так называемых территориях-ориентирах – землях, овладение которыми влечет Империю не только к дальнейшему расширению, но и к созданию масштабных геополитических проектов. Так, присоединение Крыма и причерноморских земель после первой русской-турецкой войны Екатерины II дало толчок тому, что впоследствии получило название «Греческий проект императрицы» – курсу на воссоздание Греческой империи, трон которой предстояло занять внуку Екатерины великому князю Константину Павловичу. Начало освобождения Украины в 1943–1944 годах от немецкой оккупации, как отмечал Цымбурский в той же статье, породило надежды внутри православной церкви на завоевание Константинополя и последующее «выдвижение Московской Патриархии в официальные лидеры православного мира» [6, с. 275]. Крым, конечно же, являлся «территорией-ориентиром» с мощнейшим геополитическим зарядом, нацеленным скорее на новое «похищение Европы», чем на освоение внутренних территорий России, к чему Цымбурский призывал в «Острове России».

Как бы то ни было, весь 2014 год прошел в постоянном обсуждении феномена лимитрофных, или буферных, государств, разделяющих Россию и Европу, и в том числе в размышлениях об их возможной геополитической судьбе. 22 февраля, прямо в день государственного переворота в Киеве, в газете “Financial Times” вышла статья Збигнева Бжезинского, в которой он призвал к «финляндизации» будущей европеизированной Украины, то есть к сохранению тесных экономических отношений с Москвой при всей предполагаемой разнице социально-политических систем России и будущей Украины «без Януковича»¹.

Сохранение Украины в качестве буферного государства и в целом значение буферов для всей геополитической истории России стало одной из тем целого ряда публикаций известного американского эксперта, главы аналитического агентства «Стратфор» Джорджа Фридмана, который посетил Москву в декабре 2014 года. По итогам своего визита он написал статью, в которой еще раз сделал акцент на непонимании Западом фундаментальной роли «буферных» территорий для безопасности России. «Для Запада, – писал американский геополитик, – трудно понять, что русская история – это сказка о буферах. Буферные государства спасают Россию от западных оккупантов. Россия хочет создать механизм, который оставит Украину по крайней мере нейтральной» [13]. Стоит отметить, что Фридман преувеличивает значение буферов в истории России, бессознательно воспроизводя «островную» модель ее геополитики: в действительности история России – это «сказка» не столько о «буферах» между Россией и Европой, сколько о готовности и даже стремлении их устранить с целью

¹ См. русский перевод этого текста: *Бжезинский З.* России надо предложить «финский вариант» для Украины // Иносми.ру. 2014. 24 февраля. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140224/217842678.html>

прямого вовлечения России в историю европейского континента. Однако, как и предполагал Цымбурский в далеком 1993 году, сопротивление расширению НАТО на Восток в итоге не может не быть концептуализовано в виде якобы извечного желания нашей страны установить со своей стороны барьер нейтральных государств, а эта модель не может не вести к понятным идеологическим следствиям в виде представления о некоей особой цивилизационной судьбе России. Так, пространство, вернее его политическая конструкция, в какой-то степени задает логику идеологического самоопределения: очень трудно, борясь за сохранение буферов, доказывать культурную, или цивилизационную, идентичность геополитических образований, разделяемых этими буферами.

В своей речи на Валдайском форуме 24 октября 2014 года президент России Владимир Путин использовал при описании внутриукраинского конфликта именно эту – вполне логичную в данном контексте – «цивилизационную» лексику. Путин заметил, что в современную эпоху «фактором риска становятся не только традиционные межгосударственные противоречия, но и внутренняя нестабильность отдельных государств, особенно когда речь идет о странах, расположенных на стыке геополитических интересов крупных государств или на границе культурно-исторических, экономических, цивилизационных “материков”». Фактически президент указал – прямо в духе выводов геополитики Цымбурского – на межцивилизационный, то есть «лимитрофный», характер Украины и, соответственно, на то, что внутреннее противостояние в этой стране объясняется тем, что границы цивилизаций проходят внутри нее, в силу чего любая попытка определить однозначно цивилизационную принадлежность украинского народа оборачивается кровавым размежеванием или же столь же кровавой сборкой.

Итак, реалии 2014 года сделали геополитическую модель Цымбурского предельно актуальной, но в то же время те же самые реалии обнажили уязвимость ее важнейших концептуальных положений – уязвимость, которую сам Цымбурский почувствовал и зафиксировал раньше других, но на устранение которой ему уже не было отпущено времени. Дело в том, что концепция «Острова России» в первой своей формулировке была отмечена духом парадоксального исторического оптимизма. Многие читатели «Острова» были несколько шокированы финальным пассажем этой статьи, который сам автор признавал слегка кощунственным: «для России сейчас очень хорошее время, дело только за политиками, которые это поймут». Чем так могло понравиться геополитику то чудовищное время, когда Россия потеряла значительную часть территорий, за которые она боролась три века своей великоимперской политики, когда рухнула большая часть ее промышленности и если не обнулится, то значительно ослаб ее научный потенциал? Тем, что, согласно Цымбурскому, Россия впервые за три столетия освободила себя от ответственности за судьбы балто-черноморских «территорий-проливов», и их безопасность и уровень развития с этого момента стали составлять головную боль формирующейся Евро-Атлантики. Следуя выводам американского социолога Иммануила Валлерстайна, Цымбурский рассматривал ялтинское разделение Европы как необходимую предпосылку установления американской гегемонии над континентом. Было бы логично допустить, что развал ялтинской системы явился фактором, подтачивающим или ослабляющим эту гегемонию, причем без особых усилий со стороны России, которая теперь, освободившись от полуиррационального тяготения к Европе, могла бы заняться обустройством собственной территории. Для реализации этого плана нужно было предпринять еще ряд шагов, одним из которых мог бы стать перенос политического или хозяйственного центра государства в район Юго-Западной Сибири – в ту область, которую Цымбурский вслед за Михаилом Ильиным называл «новой Великороссией».

Нужно помнить, что все 1990-е годы в рядах экспертов преобладал алармизм двойного рода. Были популярны мнения, согласно которым Российская Федерация после конца СССР – территориально непрочное образование, которое в итоге распадется, или что она, напротив, образование неполное, и для того чтобы сохраниться, ей необходим новый интеграционный процесс, который позволит вернуть русским то, что они только что потеряли. Цымбурский утверждал, что нет – Россия не распадется и возвращать то, что потеряли, незачем. Не потому что это для России недопустимо с точки зрения принципов, как он выражался, «мирового цивилизованного», а потому что ей это невыгодно самой. Вернув себе потерянные территории, мы окажем «мировому цивилизованному» хорошую службу, вновь присоединив к себе потенциально проблемные земли и народы с их постоянно колеблющейся идентичностью.

Оставался всего один вопрос – и вот на него Цымбурский упорно не давал ответа, хотя вроде бы обязан был дать, как только проблема расширения НАТО на Восток была решена в положительную сторону, – что будет с «островом Россией» в том случае, если лимитрофные территории, «территории-проливы», окончательно поглотит Евро-Атлантика и Россия в геополитическом смысле перестанет быть «островом»? К этому вопросу примыкал другой, прямо вытекающий из первого: следует ли России уже сейчас противодействовать реализации этого сценария, не допуская окончательной ликвидации буферной зоны «территорий-прикрытий»? Следует ли в этом случае продолжать сохранять непрямой контроль над частью «территорий-проливов», не допуская утверждения на них любой силы, потенциально угрожающей безопасности России?

Любопытно, что политике России в южной и юго-западной частях Великого Лимитрофа Цымбурский посвящает в 1999 году отдельную небольшую работу, которая в первом журнальном варианте получила название «От Дагестана-99 к будущему Великого Лимитрофа Евро-Азии». Здесь, сразу по следам басаевского вторжения в Дагестан, Цымбурский предлагает Китаю, Ирану и России объединиться в союз против возможного проникновения структур Евро-Атлантики на территорию Великого Лимитрофа. Автор «Острова Россия» постулирует довольно жестко, что «Россия не вправе спокойно смотреть на то, как евроатлантические силовые структуры возьмут под свою руку его кавказский и центрально-азиатский сектора, опираясь на межцивилизационные малые «империи» (Турцию, Азербайджан, Узбекистан), а также манипулируя исламизмом как средством разрыхления цивилизационных центров мощи [4, с. 72]. Цымбурский даже намечает основы плана по совместному контролю государств-цивилизаций над взрывоопасной межцивилизационной буферной зоной в районе Центральной Азии: согласно этому плану, «три восточных центра должны будут соединиться в единые «Челюсти»» для предотвращения «прямого прорыва» Евро-Атлантики с территории Великого Лимитрофа в хартленд.

Между тем, мы не обнаруживаем в той же работе никакой внятной проработанной стратегии относительно западного сегмента Великого Лимитрофа – как следует поступать России в случае окончательного поглощения «территорий-проливов» Евро-Атлантикой. Цымбурский сам признает в той же работе 1999 года, что, «разгромив Югославию при помощи исламистов, Евро-Атлантика взяла под свою руку весь восточноевропейский сектор Лимитрофа». При этом он очень пронизательно, ввиду последующих игр ЕС на предмет ассоциации с Украиной, Молдавией и Грузией и вообще всего сюжета «Восточного партнерства», отмечает, что при дальнейшей интеграции лимитрофных территорий была применена «техника экспансии без кооптации». Однако анализ реалий, касающихся Европы и приевропейских территорий, обрывается сухой констатацией: «Останавливать свое победное шествие после столь впечатляющего

успеха НАТО явно не намеревается». За этим следует вопрос: «Но в каком же направлении будет сделан следующий ход?» [4, с. 69], который уводит Цымбурского в сторону Передней Азии. Сценарий непосредственного соприкосновения России и Европы при устранении спасительного буфера вновь оказывается за пределами рассмотрения в данном, как, впрочем, и в последующих геополитических этюдах ученого.

Понятно, что в отношении Европы и приевропейских буферов невозможно было действовать по тем же рецептам, которые Цымбурский предлагал, когда рассуждал о Передней Азии. Союз государств-цивилизаций против лимитрофных территорий, открытых для союза с Евро-Атлантикой, – эта стратегия, понятная, когда речь шла про Иран и Китай, оказывалась проблематичной в ситуации с Европой. Конечно, уже в «нулевых» годах Цымбурский не мог не обратить внимания на то, что раскол Европы на «новую» (склонную к поддержке Америки в ее бушистском варианте) и «старую» (отвергающую военные авантюры вроде интервенции в Ирак в марте 2003 года) приблизительно соответствует ранее обозначенному им разделению на романо-германское «ядро» Европы и ее восточно-европейскую периферию. Видел он также то, что серия «цветных» революций представляла собой по существу ту самую экспансию Евро-Атлантики на территорию Великого Лимитрофа, которая в Передней Азии осуществлялась силами «агентурного» исламизма. И тем не менее Цымбурский в эти годы удерживался от соблазна перенести свой проект союза «материков» против потенциально нелояльных, или «агентурных», периферийных центров силы на Балто-Черноморье в его актуальной конфигурации. Ничего подобного союзу с Германией против «Восточного партнерства» (о чем грезили многие эксперты, включая автора этих строк¹, еще в начале 2014 года, до внятного обозначения Ангелой Меркель своей позиции в отношении украинского вопроса) Цымбурский никогда не прогнозировал и от сценарных разработок таких геополитических схем он всегда отстранялся. Возможно, благодаря очень внимательному изучению (в рамках написания своего фундаментального труда «Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков») обстоятельств поворота России от прогерманского курса Александра II к профранцузской линии двух последних императоров (этот поворот в отличие от авторов типа Александра Дугина или же Евгения Морозова Цымбурский считал абсолютно неизбежным ввиду претензии держав Оси на полный контроль над Балто-Черноморьем) ученый никогда не делал ставку на обретение ни Европой в целом, ни конкретно Германией политической самостоятельности. Вслед за американским политологом Айрой Страусом Цымбурский называл Евро-Атлантику термином «униполь» – однополярное политическое пространство, в отличие от Страуса не вкладывая в это понятие, правда, никаких позитивных коннотаций.

История показала, что Цымбурский в данном случае оказался снова прав, и тем не менее эта ситуативная правота не отменяет уже отмеченную нами дилемму, которая не получала в текстах о Великом Лимитрофе внятного решения. Дилемма эта звучала так – стоит или не стоит России ввиду потенциального снятия <упразднения?> самим Западом буферной зоны, разделяющей его территорию с нашей страной, предпринимать какие-то превентивные шаги в целях удержания хотя бы части этой зоны под своим контролем. Предполагает ли «островное» равнодушие к «территориям-проливам» согласие на ликвидацию базы Черноморского флота в Севастополе или создание баз НАТО в непосредственной близости, скажем, от Смоленска? И как должна быть политически оформлена не охваченная НАТО и ЕС часть Балто-Черноморья?

¹ См., в частности: [2].

Нельзя сказать, что Цымбурский не ощущал, что проблематика «буферных зон» требует дополнительной концептуализации. Уже незадолго до своей кончины, по следам пятидневной войны с Грузией в августе 2008 года, приведшей к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, Цымбурский обозначил направление возможной трансформации своей концепции, назвав ту часть земель Великого Лимитрофа, которая находилась под покровительством России либо сознательно тяготела к ней, почерпнутым у его постоянного коллеги и оппонента Михаила Ильина термином «шельф острова Россия». По определению Цымбурского, «шельф – это территории, которые связаны с нынешними коренными российскими территориями физической географией, геостратегией, культурными связями». Геополитику представлялось очевидным, что «Восточная Украина... Крым... определенные территории Кавказа и Центральной Азии принадлежат к российскому шельфу». И тут Цымбурский делает знаменательное различие «геополитики пространств» и «геополитики границ»: смысл этого разделения раскрывается в последующих отрывочных замечаниях. Цымбурский по-прежнему убежден, что Россия не заинтересована в радикальном пересмотре своих контуров, что ее геополитическая ниша в целом отвечает ее интересам. Но вот «геополитика границ» – дело совсем другое, она «требует детального, скрупулезного анализа и учета в конкретной ситуации ввиду существования шельфа России и ввиду оценки ситуации на этом шельфе с точки зрения наших интересов и нашего будущего» [11]. Хотя различие между двумя типами геополитики не проведено до логического конца, складывается впечатление, что автор «Острова России» после военного конфликта с Грузией не был абсолютно убежден, что формальные границы РФ не могут быть пересмотрены в сторону расширения, если часть «шельфа острова Россия» отколетя от сплавляемого Евро-Атлантикой в единое целое лимитрофного пояса государств. Цымбурский надеялся, что данное допущение ревизионистского пересмотра границ государств Ближнего Зарубежья радикально не изменит суть его «островной» теории. Россия останется «островом», даже если осушит часть берегового шельфа, соберет под свою опеку тяготеющие к ней земли и народы.

Гипотезу о том, что Цымбурский планировал очередную фундаментальную переработку своей геополитической теории с использованием понятия «шельф острова Россия», подтверждают строки из его мемуарного очерка «Speak, memo!»), написанного в последние месяцы жизни, примерно в конце февраля – начале марта 2009 года: «Год 2008-й пятидневной войной и заявлениями российских лидеров о наличии территорий за пределами России, представляющих для нее особую значимость, стал для меня намеком на возможность следующего доосмысления концепции, с особым упором на выдвинутое еще в 1994 году понятие «шельфа острова Россия». Этот шельф видится как области на Лимитрофе, в том числе за государственной российской границей, состоящие с Россией в особой, требующей признания и учета физико-географической, культурно-географической, экономической и стратегической связи. Мировой кризис отдалил актуальность подобного пересмотра концепции, который остается в резерве» [12, с. 12].

Можно предположить, что события 2014 года, если бы Цымбурский смог оказаться их живым свидетелем, сделали бы допускаяемый ученым «пересмотр» концепции «Острова Россия» более чем актуальным. Увы, судьба не отпустила Вадиму Леонидовичу шанса развить концепцию «островного шельфа», хотя отсылка к 1994 году заставляет предположить, что Цымбурский вспомнил уже цитировавшуюся фразу о возможности создания ориентирующейся на Россию «буферной зоны», состоящей из Крыма, Левобережной Украины и Приднестровья.

Возможно, в 1990-х годах Цымбурский не стал конкретизировать процесс и механизм образования подобной зоны, существование которой он только мимоходом допустил в статье «Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения» 1994 года, придя к убеждению, причем еще до создания «островной» концепции, что освободившаяся от «призрака коммунизма» Европа не готова реально расширять свои границы, интегрируя в свои пределы народы восточной периферии. Эта убежденность ярко проявляется в статье Цымбурского еще 1992 года, посвященной деконструкции понятия «открытого общества» Джорджа Сороса, в которой будущий геополитик высказывает предположение, что «экономические тенденции сейчас явно не способствуют выбору в пользу “экспансии ради стабильности”, скорее работая на “оукливание” постиндустриальных “центров” в их геополитических нишах по сторонам Северной Атлантики...» [9, с. 172]. Последующее знакомство с модной в 1993–1995 годах концепцией Сэмюэля Хантингтона могло только укрепить уверенность в правоте гипотезы, что прием лимитрофных территорий в НАТО – не более чем блеф, а будущее Европы – в пространственном «оукливании», которое со своей стороны требуется и России.

Это предположение оказалось если не прямо ошибочным (кто знает, сохранятся ли Европейский союз и НАТО в прежнем виде после кризиса 2014 года?), то в плане краткосрочного прогноза явно чересчур оптимистичным. Следует ли из этого, что теперь мы должны счесть всю геополитическую концепцию ошибочной и неубедительной, что, подобно своему любимому Маккиндеру, изобретателю «хартленда», Цымбурский должен остаться в истории политической мысли автором двух-трех красивых географических метафор, конкретный или же конъюнктурный смысл которых будет доступен лишь историографу? Что все теоретические наработки Цымбурского останутся лишь интересной интеллектуальной провокацией эпохи геополитического сжатия России, ее временного надлома и отката с прежних рубежей в глубь евразийской равнины?

Я думаю, на все эти вопросы следует ответить безусловно отрицательно. Прежде всего Цымбурский сам прекрасно осознавал некоторую конъюнктурность своих первых опытов в области геополитики, включая наиболее популярный текст 1993 года, давший название всей концепции и впоследствии одноименной книге. В дальнейшем, в том числе в докторской диссертации, он хотел положить отдельные интуиции «островного» цикла на твердую научно-методологическую основу, оснастив свои выводы о трансформациях истории русской геополитической мысли как общими представлениями о динамике международных систем XVIII–XX веков, так и анализом текстов российских авторов трех столетий. В чем же состояло главное научное открытие Цымбурского, его вклад в руссиеведение? Думаю, прежде всего, в том, что он продемонстрировал со всей полнотой, в чем заключается для России «европейский выбор», каковы почти неперемные геополитические последствия отождествления России с Европой.

Вопреки всей либеральной историографии он рискнул высказать в качестве аксиомы тезис, который ему пришлось впоследствии обосновывать и доказывать на протяжении всей жизни, что стремление России представить себя Европой всегда будет иметь не столько социокультурные, экономические или какие-либо иные внутренние последствия, сколько последствия именно геополитические. Проще говоря, тезис «Россия – это Европа» задает импульс в первую очередь не столько модернизации, сколько экспансии. Читая главы «Морфологии российской геополитики», в этом убеждаешься как в почти стопроцентно доказанном постулате.

«Русский европеизм» – почти всегда сюжет не столько для социологии <культуры?>, сколько для политической географии. Русский либерализм мог

сколько угодно критиковать имперскую политику Николая II за увлечение далекими от интересов коренной России восточническими империалистическими проектами, но как только Империи представилась возможность войти в союз с англо-французским блоком против держав Оси, недавние толстовцы легко перекрасились в панславистов и вместе с дипломатами-западниками типа Сазонова или Извольского стали «славянофильствовать», как того тогда требовало время. Вот эта неотменяемость пространственного фактора во всем нашем «европохитительском» замахе и составляет предмет исследования Цымбурского, и, я убежден, в этом – главном – своем тезисе он остался более убедительным, чем все его критики. Равно как и в тезисе обратном: имперство, даже по видимости антизападническое, представляет собой хитрый выверт, своего рода псевдоморфозу скрытого западничества, им владеет тот же самый «европохитительский» соблазн.

Итак, вся геополитология Цымбурского – это своего рода картография русского европеизма, раскрытие механизмов реализации нашего насчитывающего уже три с лишним столетия «европейского выбора», который при всех своих вариациях влечет охваченных этим импульсом русских к стремлению устранить разделяющие Россию и Европу промежуточные территории. По ходу исследования Цымбурский приходит к двум фундаментальным идеям.

Первая состоит в том, что пространство этих промежуточных территорий вместе с Россией имеет свою особую конфликтную структуру с распределенными ролями, причем эта структура сложным образом сочетается с конфликтной структурой самой Европы, в которой еще со времен наследников Карла Великого вычленяются два враждующих центра по обеим сторонам Рейна. Россия получает возможность «стать Европой» лишь тогда, когда один из этих центров берет Россию в союзники против другого. Как только противостояние центров по тем или иным причинам затухает, Россия из Европы почти автоматически выталкивается.

Идея вторая – в этой саге о стремлении попасть в Европу Россия выступает вначале в роли союзницы одной из сил, потом в качестве объекта мощной атаки побеждающей стороны, затем уже как атакующая держава в сознании своей временной мощи и – в конце концов – как общий враг для целой европейской цивилизации, объединившейся против недавнего претендента на континентальную гегемонию, – и вся эта история в силу определенных географических факторов повторялась в судьбе имперской России несколько раз (точнее, три раза), и она имеет все шансы повториться вновь. Если мы каким-то образом не вырвем себя из этих проклятых циклов, мы снова рискуем «войти в Европу» на правах, скажем, союзницы Франции против Германии, затем рухнуть под мощным (возможно, геэкономическим) ударом последней; потом, одолев вечного соперника, посчитать себя распорядителями судеб всей Европы, чтобы на финальной стадии цикла вновь оказаться на том же самом «острове», с которого мы некогда начинали наше движение в сторону Европы. И Цымбурский искал варианты, как избежать «вечного возвращения» на круги своя, в процессе которого Россия для призрачной цели приносила в жертву свое сельское хозяйство, науку, промышленность, оказавшись в конце концов поставщиком углеводородов для постиндустриального мира.

Что Цымбурский тем не менее недоучел в своей концепции, чем объясняется та самая уязвимость его конкретных геополитических рекомендаций, с которыми он выступил в 1993 году? Мне кажется, его главным упущением стало недостаточное аналитическое рассмотрение фазы отката – по его терминологии, фазы D всего цикла «похищения Европы». В главах его диссертации этой фазе уделено незначительное внимание, характерной фигурой этой фазы он на-

зывает канцлера Александра Горчакова, героя Парижского договора 1856 года и автора знаменитой формулы «Россия сосредотачивается».

Безусловно, как мы уже говорили, и сама геополитика «Острова Россия» может быть осмыслена в качестве специфического именно для этой фазы «европохитительского» цикла интеллектуального построения. Но проблема даже не в этом – зависимость собственных размышлений от «конъюнктур земли и времени» Цымбурский как раз с легкостью мог бы допустить. Но вот что бы составило и, как мы говорили, реально составило вызов для последовательности его концепции – так это снятие в ходе фазы D промежуточных территорий между Россией и Европой именно этой последней. Неизбежно возникает вопрос, может ли «европохитительский» комплекс обрести какую-то совсем новую морфологию, отличающуюся от описанной в диссертации, когда «Европа» будет формально начинаться непосредственно по другую сторону западной государственной границы России?

Но ведь именно эта перспектива фактически и возбуждает ту, прямо скажем, немалую часть нашего либерального сообщества, которая поддерживает украинский Майдан именно как попытку соседней республики выйти из российской сферы влияния и встроиться в сферу влияния Евро-Атлантики, кто в общем уже примеривает для России не слишком комфортный для большинства, но удобный для немногих статус полусуверенной периферийной державы, стратегические ресурсы которой находились бы под контролем элит той цивилизации, с которой мы хотим себя отождествить. Можем ли мы «стать Европой» в том случае, если не мы «похитим ее», но если она «похитит нас»? Не будет ли вероятным выходом из «европохитительского» кругообращения не самоизоляция на «острове», а слияние с континентом при политическом устранении буферной зоны, но при полном отказе России от всех поползновений на державную суверенность? К сожалению, это тот вопрос, который выходит за рамки исследований великого политического мыслителя, с которым нам посчастливилось быть современниками. Мы не найдем в статьях и книгах Цымбурского ответа на эту раскалывающую российское общество дилемму, однако он указал нам направление, следуя которому, мы сможем прийти к правильному решению.

Хочу добавить в заключение еще один личный момент. Конечно, указанная проблема была ясна мне, как, полагаю, и самому Вадиму Леонидовичу еще в 1993 году, когда он только выпустил в свет в журнале «Полис» свою статью «Остров Россия». Однако в определенном смысле мне (и отчасти, только отчасти ему) отсутствие внятного решения казалось достоинством, а не промахом его концепции. Я полагал, что русское общество мгновенно расколется на два враждующих лагеря, как только перед Россией будет поставлен недвусмысленный и однозначный выбор: причастность к Европе или цивилизационный суверенитет. «Остров Россия» идеально подходил в качестве основания для идеологии постсоветской и постимперской России именно потому, что однозначностью своих выводов не провоцировал русское общество на раскол и тем самым задавал фундамент для подлинной демократизации России, каковая в случае любого однозначного цивилизационного самоопределения («за Европу» или «против Европы») мне представлялась маловероятной. Поэтому я и высказывал точку зрения в своей первой политологической статье 1997 года «Понятие “национальный интерес” в российской политической мысли XIX–XX вв.» [3], что залог демократической интеграции России – переход от дискурса «цивилизационного выбора» к дискурсу «национальных интересов». «Островная» модель геополитики позволяет русским европейцам считать себя вынужденно отделенными от Европы европейцами в согласии с теми, кто, принимая ту же модель, могут относить себя к «особому человечеству на особой земле», не претендуя на присоединение новых земель.

И мне было столь же ясно, что как только «территории-проливы» будут осушены со своей стороны Евро-Атлантикой, вот это гипотетическое «островное» согласие, которое по большому счету и было основой вначале примаковского, а затем и путинского политического консенсуса, окажется нарушено – и мы вместо перспективы демократического единства по базовым основам национальной идентичности будем иметь перспективу жестокого и непримиримого противостояния элит, каждая из которых не сможет простить другой фрустрацию ее цивилизационного выбора. Примерно то, что мы имели в соседней Украине, но только без четкого раскола враждующих сторон по географическому принципу. В этой борьбе, условно, проевропейским силам едва ли будет суждено одержать победу, слишком значителен перевес тех, кто делает ставку на самостоятельность России, проявившуюся в воссоединении с Крымом. Однако элитный вес противоположной партии делает исход этого противостояния далеко не стопроцентно предрешенным.

Но, в конце концов, западная часть Великого Лимитрофа еще не полностью проглочена двумя цивилизационными «материками» – Россия еще отчасти «остров», а это значит, что консенсус еще возможен, и идеи Цымбурского еще могут сыграть свою роль не только в науке о России, но и в деле созидания ее лучшего будущего.

Перифразируя знаменитую фразу Вадима Леонидовича, которую я уже цитировал в этом тексте, хочу закончить его словами: для «Острова Россия» сейчас наступает очень хорошее время, дело только за политиками, российскими, европейскими и заокеанскими, которые это поймут.

Литература

1. Караулов И. Одна страна – две цивилизации // Известия. 2014. 29 января. URL: <http://izvestia.ru/news/564780>
2. Межуев Б. На нас смотрит вся Европа // Известия. 2014. 14 января. URL: <http://izvestia.ru/news/563992>
3. Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли XIX–XX вв. // Политические исследования. 1997. № 1. С. 5–31.
4. Цымбурский В.Л. Дагестан, Великий Лимитроф, мировой порядок // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования / Ред.-сост. Г.Б. Кремнев, Б.В. Межуев. М.: Европа, 2011.
5. Цымбурский В.Л. «Европа-Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 105–132.
6. Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI–XX веках) // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
7. Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 29–43.
8. Цымбурский В.Л. Остров Россия // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.
9. Цымбурский В.Л. Открытое общество, или Новые цели для Европы. Семантическая алхимия Джорджа Сороса // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования / Ред.-сост. Г.Б. Кремнев, Б.В. Межуев. М.: Европа, 2011.
10. Цымбурский В.Л. Сюжет для цивилизации-лидера: самооборона или саморазрушение? //

- Цымбурский В.Л.* Остров
Россия: Геополитические и
хронополитические работы. 1993–
2006. М.: РОССПЭН, 2007.
11. *Цымбурский В.Л.* Шельф Острова
Россия. Геополитика пространств и
геополитика границ (Выступление на
Круглом столе ИНС «Россия после
признания: конец эпохи Ельцина –
Путина», 18.09.2008) // АПН,
25 сентября 2008. URL: <http://www.apn.ru/publications/ar25ticle20733.htm>
12. *Цымбурский В.Л.* Speak, Memory!
// Цымбурский В.Л. Конъюнктуры
Земли и Времени. Геополитические
и хронополитические
интеллектуальные расследования /
Ред.-сост. Г.Б. Кремнев, Б.В. Межуев.
М.: Европа, 2011.
13. *Friedman G.* Viewing Russia From the
Inside // Stratfor. Geopolitical Weekly,
16 December 2014. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/viewing-russia-inside#axzz3M7QeQomW>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции геополитических воззрений Вадима Цымбурского в контексте концептуализации в его теории проблемы промежуточных, буферных территорий между Россией и Европой, которые автор «Острова России» назвал «территориями-проливами». Как известно, Цымбурский считал, что утрата контроля Россией над этими территориями не ослабляет, а гарантирует безопасность нашей страны, главная угроза которой происходила из внутренних поползновений устранить «буферные» землях в целях геополитического слияния Европы и России. Возникает вопрос, как Цымбурский мог интерпретировать в рамках своей системы снятие полосы этих территорий Европой – видел бы он в этом угрозу безопасности нашей страны. В статье доказывается, что в конце жизни именно этот вопрос стимулировал ученого к очередному переосмыслению его геополитической концепции, осуществить которое помешала ему смерть.

Ключевые слова: геополитика, территории-проливы, буферные территории, русский европеизм.

Boris V. Mezhyuev, PhD, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of History of Russian Philosophy, Associate Professor. Politconservatism.ru, Chairman of the Editorial Board. "Izvestia" newspaper, Deputy Chief Editor.

Mapping of Russian Europeanism.

Abstract. This article deals with the evolution of geopolitical views of Vadim Tsymburski in the context of his conceptualization of the problem of "buffer", or "limitrophe" territories between Russia and Europe which were called by the author of "The Island of Russia" as "strait-territories". It is known that Vadim Tsymburski thought that the loss of control by Russia over these territories has strengthened the security of our country that was damaged throughout the history by Russia's own urge to eliminate these «buffer» territories for the geopolitical confluence of Russia and Europe. The question arises, how could Vadim Tsymburski treat the elimination of "strait territories" by Europe in terms of his system, could it be seen by him as a threat to Russian security? The article proves that in the end of his life just this point motivated the scholar to reconsider his geopolitical conception but this reconsideration was prevented by his death.

Keywords: geopolitics, strait-territories, buffer territories, Russian Europeanism.